

Социальная история отечественной науки и техники

Ю. Х. КОПЕЛЕВИЧ

ПЕРВЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ СТУДЕНТЫ*

В работах, касающихся Академического университета XVIII в. [1—4], явственно различаются три тенденции. В книгах Е. С. Кулябко при всем богатстве приведенного материала, преимущественно об Университете середины века, т. е. ломоносовского времени, четко выражено убеждение автора, что Университет был создан усилиями М. В. Ломоносова, а в доломоносовское время были только попытки его организации. Другого убеждения придерживаются некоторые историки нынешнего Петербургского университета, относящие основание Университета к «Проекту» Петра I об учреждении Академии наук и художеств (см. [5]). Они находят в истории Университета, вплоть до конца XVIII в., черты, позволяющие, по их мнению, считать Академический университет и Петербургский университет, официально основанный в 1819 г., одним учреждением, т. е. «удревнить» последний почти на столетие. Специалисты же, занимающиеся историей Академии наук (к их числу принадлежит и автор статьи), находят обе указанные точки зрения тенденциозными и считают необходимым более углубленно изучать историю Университета в тесной связи с историей самой Академии и постараться представить объективную картину того, что задумал Петр I, что из этого фактически получилось и что стало с Университетом в конце века. Меньше всего нуждается в пересмотре ломоносовский период, — здесь можно спорить лишь с некоторыми общими оценками и расстановкой акцентов. Поэтому хотелось бы представить свое видение этой проблемы.

Прежде всего следует отметить, что Академический университет был уникальным явлением. В XVIII в. были случаи, когда при университете (например, в Геттингене) возникало небольшое научное общество или академия из состава его профессоров, но не было, насколько известно, университета, который бы возник и существовал «в недрах» академии. Университеты, конечно, различались и по количеству профессоров и студентов, и по наличию в них кафедр, и по источникам финансирования, но всем им были присущи деление на факультеты, перманентный учебный процесс, хотя и непостоянное, но никогда не сводящееся к нулю число слушателей, определенные условия найма преподавателей, набора и учета студентов с системой матрикулов и т. п. Наличие этих элементов, включая детали (публичные диспуты, защита диссертаций, присвоение ученых званий, инаугурация и т. п.), позволяло называть учебное заведение университетом, при этом «рейтинг» его зависел, как и в наше время, от имеющихся в его составе знаменитых ученых и от количества студентов.

Идея соединения в одном лице профессора и профессионала-исследователя в «Проекте» [5, с. 429—435] разработана довольно основательно, но, что касается будущих студентов, по тексту видно, что у Петра I и его помощника лейб-медика

* Статья «Последние академические студенты» будет опубликована в одном из следующих номеров журнала.

дент», употребленное как бы случайно, относится к помощникам академиков, которые получают жалование и преподают в гимназии. Они же «надежду имеют прозреть и учителям своим наследовать», т. е. представляют собой резерв для пополнения состава академиков. Что же касается слушателей академических лекций, т. е. студентов в обычном для университета смысле слова, то о них в «Проекте» нет ничего определенного.

Петр I едва ли рассчитывал на приток слушателей из-за границы. Скорее всего, расчет был на петербургскую дворянскую молодежь, которую можно было привлечь какими-то привилегиями, или Петр мог применить и некоторые элементы принуждения, которых он не гнушался, отправляя дворянских недорослей учиться за границу.

В связи с внезапной смертью Петра I ситуация изменилась. Еще в Указе Екатерины I от 7 декабря 1725 г. выражен призыв, чтобы люди отдавали учиться «в разные науки детей своих и свойственников». А о том, как они будут «в той Академии содержаны и каким наукам будут их учить, о том вскоре будет выдан в печать особый регламент» [5, с. 435].

Известно, что к моменту издания этого указа регламент был составлен, русский перевод текста уже 27 сентября был передан в Сенат. Академики, как это видно из переписки тех лет, считали этот регламент утвержденным. В действительности же он так и остался не подписанным и не опубликованным ни Екатериной I, ни ее ближайшими преемниками. В регламенте, хотя и вскользь, сказано о привилегиях для

обучавшихся при Академии: тем, кто проявит ревность в учении, обещаны преимущества при производстве в «публичные достоинства» [6, с. 302]. О том, что академики придавали этому моменту важное значение, свидетельствует, например, письмо Г. Б. Бюльфингера из Петербурга от 10 ноября 1725 г. Т. З. Байеру, находящемуся тогда еще в Кенигсберге. В письме подробно говорится о регламенте и среди прочего сообщается: «В славных учениках не будет недостатка, так как е. и. в. объявила, что учащиеся Академии в будущем получают по службе преимущества перед другими» [7, л. 202—203].

Забегая вперед, скажем, что после смерти Екатерины I, потом Петра II, в обстановке жестокой борьбы за власть и последовавшего воцарения Анны Иоанновны, государственные дела пришли в глубокий упадок, Академия также переживала трудные времена, и об этих привилегиях никто и не вспоминал. Собственно, и не нужно было добиваться этих привилегий, так как учились в Университете немногие, да и те проходили далеко не полный курс. К тому же открытие в 1731 г. Кадетского корпуса снизило интерес русского дворянства к Академическому университету.

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ. ВЪ СЕНАТѢ.

ОБЪЯВЛЯЕМОЕ ВО ВСЕОБЩЕЕ СЪВѢДѢНІЕ.

П Описе всѣмъ извѣстно сѣмъ, какое поспѣшеніе имѣлъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Ея Императорское Величество, о обученіи народа своего для чего намѣренъ устроить Академію наукъ, о которой и опредѣленіе въ Сенатѣ изволилъ учинить, въ прошлый 1724 году. Генваря въ 12 день, и по томъ Профессоровъ и прочіихъ потребныхъ людей, для таковой Академіи, еще при жизни своей выписать указавъ, которые сюда уже и прибыли. Того ради Всепреосвѣтлѣнная Государыня, Великая Государыня Императрица ЕКАТЕРИНА Алексѣевна, Самодержица Всероссийская, желая всѣмъ дѣломъ положенныя труды Ея, Императорскаго Величества, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти произвести въ дѣйство, для пользы Государства Россійскаго, оную Академію наукъ, нынѣ на основаніи учиненной отъ Ея Императорскаго Величества, и нынѣ Председателя Лейб-медика Александра Богомыслова опредѣлитъ указавъ, и ономъ всякого чина людей въздать, имѣть таковыя отпущать въ разные науки дѣла свои и свои спесивныя. А какіе образцы оныхъ ученики будутъ въ той Академіи содержать, и какіе науки будутъ въ ней учить, ономъ указомъ будетъ выданъ въ печать особый регламентъ.

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ,
Декабря 21 дня, 1725 году.

Писанъ въ 15 дня 1725 г.

Указ Екатерины I об учреждении Академии наук

На протяжении первых двух десятилетий Академия делала многократные и мало-успешные попытки наладить регулярное чтение университетских курсов: печатала объявления о лекциях, обращалась в Сенат с просьбой прислать в Академию юношей из других учебных заведений. Все это подробно освещено в работах Е. С. Кулябко. Весьма ценным является приведенный ею список студентов, обучавшихся в Академическом университете в 1726—1733 гг., заимствованный из следственного дела 1743 г. шефа академической Канцелярии И. Д. Шумахера [2, с. 35]. Список опровергает утверждение о том, что студентов в те годы не было. Все дело, видимо, в запутанности взгляда на то, кого следует считать студентами, а также в субъективной целевой установке того или иного высказывания.

Как бы то ни было, список состоит из 38 имен. В связи с нашей темой любопытно посмотреть, какие в нем представлены категории студентов. Из сопоставления различных ведомостей на выплату жалования за эти годы выясняется, что 5 человек — переводчики В. Адодуров и И. Ильинский, помощник при кафедре анатомии М. Клейнфельд, работавший в газетной экспедиции А. Б. Крамер и Г. Пашке, обязанности которого нам пока неизвестны, — состояли на академической службе, т. е. были студентами и сотрудниками, посещавшими публичные лекции.

Упоминание о публичных лекциях нуждается в некоторой оговорке. В литературе мы сталкиваемся с толкованием слов «публичные лекции» как лекции для широкой публики. Так, Д. А. Толстой пишет: «При таком недостатке слушателей ничего не оставалось другого, как обратить профессорские лекции в публичные, в надежде, что публика наполнит аудитории» [4, с. 5]. Такого же взгляда придерживается и Е. С. Кулябко. Между тем в университетах публичными назывались все лекции, которые профессор читал бесплатно, т. е. за свое жалованье, в отличие от лекций частных, за которые слушатели платили. Это не зависело от числа и состава слушателей. Публичные лекции хотя и были открытыми для всех, могли читаться и для нескольких слушателей, а частные, или партикулярные, наоборот, могли быть и мно-

АКАДЕМІА наукъ россіиская.

ЧІТАТЕЛЮ ЗАРАВІЕ.

Академію, наміреніємъ ПЕТРА Великаго опредѣленную, и нѣкимъ образомъ запятую, а нечаемымъ благочестившаго Императора престоавленіємъ гораздо ослабленную. Автустѣпшаа Императрица ЕКАТЕРІНА, премудрымъ своимъ промышлениємъ, хотя и многие члены, изъ разныхъ Европейскихъ странъ въ Столицу сію на то пріазаны были, выше чаянія успавила, и въ совершенство привела.

Должность же въ сии Академіи собраннымъ двоина будеть: Какъ въ пщани и умноженіи новыми обрѣщеніями наукъ, а напаче Медицины, Фізики, Математики, и прочіхъ свободныхъ наукъ, такъ и въ учении россіискіхъ юношъ, да они сѣмъ образомъ по первой должности своей Академіамъ наукъ, Паріжской, Лондонской, Берлинской, какъ въ публичныхъ собраніяхъ тріжды повсягоду будущіхъ, (отъ нихже первое не давно Его Высочества Королевскаго Герцога Голштейнскаго присутствіемъ просвѣплася) такъ и совѣтованіемъ приваннымъ дважды по всякой недѣли, аимянно, во Вторникъ и Пятокъ, будущимъ подражат: А по другой своей должности о пользѣ собственной тѣхъ юношенъ, которые изъ пространной Россіи для учения и свободныхъ наукъ соберутся, пощитася будеть. Того ради конца Профессоры сѣя Академіи, сего 1726 году, въ будущи 24 день мѣсяца Генваря чтеніями учение свое публичное начнутъ, во дни, Понедѣльникъ, Среду, Четвертокъ и Субботу, и впредь такімъ опредѣленіемъ и учрежденіемъ поступать будуть, о которомъ всѣмъ любителямъ добрыхъ наукъ, а напаче рачителямъ къ учению, сѣмъ для извѣстія объявляется.

ДАНІИЛЪ БЕРНУЛЛИ, Фізіологій Профессоръ, начала Математическія къ Теоріи Медіческой поіребная, да пріличность изъ къ Фізіологій научитъ.

ОЕОФІЛЪ СІГФРІДЪ БАЕРЪ, Антиквітетовъ Профессоръ древности Грецескіе, Манеты и достопамятные вещи вѣпхаго Рима изьяснитъ.

НІКОЛАИ БЕРНУЛЛИ, Математики Профессоръ, о тѣхъ части сѣ 8: дог. Математики, которые къ Фізикѣ пріязаны, и особливо о Механикѣ читать будеть.

Первое объявление Академіи наукъ
(январь 1726 г.) об университетских лекціях

голюдными. Кстати, в петровском «Проекте», в разделе об университете, сказано, что «академики обязаны будут в своей науке ежедневно один час публичные лекции иметь, как в протчих университетах. Ежели который академик похощет за деньги партикулярные коллегии иметь, то ему позволено» [5, с. 433]. Другое дело, когда в конце XVIII в. в академиях наук под тем же названием появился новый тип лекций, читавшихся академиками для широкой публики, вне стен университетов*. Поэтому целесообразно вновь обратиться к уже упомянутому списку слушателей лекций 1726—1733 гг. Е. С. Кулябко.

Основными документами для наших суждений об университетских публичных лекциях начального периода являются дошедшие до нас четыре печатных объявления (других, по-видимому, в этот период не было) — 1726, 1732, 1734 и 1738 гг. [6, с. 169—172; 8, с. 222—224, 554—555; 9, с. 722—723]. Это не означает, конечно, что занятия велись только в эти годы. По всей видимости, публикация этих объявлений (каталогов) имела своей целью не только информировать и привлекать слушателей, но и склонять общественное мнение в пользу Академии. Недаром, например, в каталог 1734 г. включили всех профессоров, и даже тех, кто находился в Камчатской экспедиции: они-де обучают студентов — своих помощников по экспедиции [8, с. 555].

Для воссоздания реальной картины университетских занятий у нас, к сожалению, совсем немного документов. Е. С. Кулябко не только перечислила все имена, но и привела имеющиеся в списке сведения о происхождении каждого слушателя, его социальном положении и о дальнейшей судьбе в пределах обозначенного периода [10, л. 63—66]. Но в списке есть и другая, весьма ценная информация: о каждом сказано, какие лекции и у каких профессоров он слушал, а иногда даже указано, в какие годы посещались те или иные курсы. Автор использовала эти записи только для приведения отдельных примеров. Нам представляется небезынтересным опубликовать эти сведения полностью, сгруппировав их не по именам слушателей, как это сделано в списке, а по фамилиям лекторов — профессоров и адъюнктов. Однако, не имея каталогов лекций за каждый год, невозможно соблюсти точность в названиях курсов. Например, у одного студента записано, что он слушал у Бекенштейна: естественное право, гражданское право, феодальное право, у другого — указаны лекции того же Бекенштейна по юриспруденции, без уточнения раздела; у И. Г. Дювернуа в одних случаях названа медицина, в других — анатомия, хирургия. Нам придется воспользоваться объединяющими названиями. По возможности, приведем не только имена лекторов, но и предмет занятий.

Х. Ф. Гросс. История и нравоучительные науки — Гамильтон, Фельтен, Овенс.

Х. Ф. Гросс. Философия — Кантемир, Крамер.

Х. Ф. Гросс. Естественное право — Ильинский.

И. С. Бекенштейн. Юриспруденция — Фельтен, Пашке, Эйхлер, Овенс, Крамер.

И. С. Бекенштейн. Геральдика — Фельтен, Овенс.

И. С. Бекенштейн. География — Фельтен, Овенс.

Г. З. Байер. Древности — Адодуров, Кондойди, Пашке, Мюкс, Надоржинский, Фаренгейт, К. Вольф, Ланге.

Г. З. Байер. Риторика — К. Вольф, Ф. Вольф, Фиттингоф.

Г. З. Байер. Латинский язык — Магницкий.

* Такие лекции читались в Лондонском королевском обществе, в Баварской академии наук, причем в Лондоне и Мюнхене университетов в то время не было. (Об академических публичных лекциях конца XVIII в. см. статью Г. И. Смагиной в этом номере журнала.)

- И. П. Коль.* Риторика — Кондойди, Шиллинг.
- И. Г. Дювернуа.* Медицина — Адодуров, Энс, Шиллинг, Стехман, Сатаров, Папельбаум, Буцковский, Лев, Воль, Пост.
- И. Г. Гмелин.* Медицина — Энс, Стехман, Сатаров, Воль, Пост, Шнейдер, Папельбаум, Буцковский.
- И. Г. Гмелин.* Химия — Папельбаум, Буцковский, Лев, Воль, Пост.
- И. Вейтбрехт.* Медицина — Энс, Алзинг, Стехман, Сатаров, Папельбаум, Буцковский, Геце, Лев, М. Клейнфельд.
- Ф. Х. Майер.* Математика — Кантемир, Крамер.
- Л. Эйлер.* Математика — Адодуров, Энс, Мюкс, Надоржинский, Клейнфельд.
- Г. В. Крафт.* Математика — Адодуров, Кондойди, Горленко, Энс, Г. Клейнфельд.
- Г. В. Крафт.* География — Эйхлер, Г. Клейнфельд.
- Г. В. Крафт.* Логика и метафизика — Фиттинггоф.
- Х. Мартини.* Философия — Надоржинский, Крамер, Шиллинг.
- Д. Бернулли.* Математика — Шиллинг.
- Г. Б. Бюльфингер.* Физика — Ильинский.
- И. Г. Лейтман.* Механика — Ремезов, Матесен.
- Г. Ф. Миллер.* «Приличные знания» (история, география, немецкий стиль) — Ягужинский, Я. Г. Ренненкамф, Г. Д. Ренненкамф.

Поскольку учета слушателей не было, приведенные данные нельзя считать полными. Вероятно, профессора сообщили фамилии людей, наиболее усердно посещавших лекции. Об этом есть прямое свидетельство Бекенштейна [2, с. 35]. Тем не менее перед нами минимальное (и к тому же неполное) число слушателей университетских лекций за первые семь лет. Количество невелико, но все же не так уж ничтожно мало. Только неполнотой этого списка можно объяснить, что в нем, например, не указан первый из академических математиков — профессор Я. Герман и что у Г. Б. Бюльфингера и Д. Бернулли только по одному слушателю. Все трое значатся в первом объявлении о лекциях. Можно предположить, что список из 38 слушателей составлялся в 1733 г. по сведениям, полученным от профессоров, а поскольку Герман, Бюльфингер и Бернулли к этому времени уехали из России, то посетители их лекций не были или почти не были учтены.

Хотя Университет не имел деления на факультеты, по списку можно проследить определенную специализацию. Примерно половина молодых людей посещали лекции по гуманитарным наукам, 14 человек — по медицине и химии (7 из них были хирургами в русской армии) и столько же — по математике, физике и механике. Можно заметить, что русские студенты были заинтересованы в изучении разных, неблизких предметов: Кантемир — философия и математика, Ильинский — физика и естественное право, Адодуров — древности, медицина, математика.

За исключением упомянутых выше пяти студентов-сотрудников и семи посещавших лекции армейских лекарей, студентов «в чистом виде», т. е. вольнослушателей, было 26. Среди них лишь шестеро русские: Кантемир и Надоржинский, происходящие из знатных семей, и выходцы из разночинцев — Ремезов, Магницкий, Горленко, Сатаров. Остальные — иностранцы на русской службе и юноши, специально приехавшие учиться в Петербург. По данным списка, сюда можно отнести кенигсбергцев Фаренгейта, Пашке и Ланге (они приехали слушать лекции своего земляка Байера), Крамера из Вестфалии, Овенса из Гольштинии, Г. и М. Клейнфельдов из Эльбинга.

Уже в первые годы в Академическом университете категория вольнослушателей шла на убыль. В конце 1732 г. из вышеприведенного списка числятся уже только 9 человек: Адогуров, Ильинский, Ягужинский, Гленской (Горленко?), Папельбаум, Клейнфельд, братья Ренненкампф, Матесен [10, л. 82]. За более поздние годы списков не сохранилось. Косвенные данные о состоянии дела в 1737 г. можно извлечь из сохранившихся отчетов профессоров за этот год [11]. Например, ни у Байера, ни у Дювернуа ничего не сказано о занятиях со студентами (заметим, что лекторы первых лет Гросс, Бекенштейн, Коль, Мартини так же, как Бернулли и Бюльфингер, к этому времени уже уехали из России; Майер и Лейтман умерли; Гмелин и Миллер находились в Камчатской экспедиции). Г. В. Крафт указал, что ведет частные занятия по различным разделам математики и математической физики по 10 часов в неделю [11, л. 7—8]. Л. Эйлер на вопрос об учениках ответил уклончиво: «Я это выполняю всякий раз, как объявляются такие студенты, которые хотят обучаться этим наукам, по их способностям» [11, л. 9]. И. Вейтбрехт сообщил кратко и определенно, что читал лекции по физиологии [11, л. 10]. По-видимому, работники петербургских морского и сухопутного госпиталей обеспечивали Вейтбрехту устойчивый контингент слушателей. И. Амман написал, что должен учить студентов ботанике и натуральной истории, «но до сих пор не объявилось никого, кто пожелал бы изучать эту науку» [11, л. 11—12].

При всех неудачах с публичными лекциями, однако, можно отметить, что на протяжении всего периода Академия старалась сохранять и поддерживать различные формы университетского обучения.

Президент К. Г. Кайзерлинг, покидая Академию в декабре 1733 г. и отправляясь в Польшу, оставил инструкцию, одним из пунктов которой было распоряжение профессорам: с начала 1734 г. каждому по своей науке читать лекции, «чего ради учинить список, в котором писать тех, которые по рассуждению и слушанию коллегий годны будут» [8, с. 410], т. е. предполагалось завести матрикул, как это делалось обычно в университетах. Едва ли это решение можно отнести исключительно за счет неосведомленности Кайзерлинга о состоянии дела, — ведь речь могла идти всего лишь о десятке слушателей. Видимо, положение не считалось катастрофическим. В январе и феврале 1734 г. этот пункт инструкции обсуждался в Конференции. Байер высказался за матрикул, но с предварительным экзаменом, «чтобы вместе с годными не допускались негодные» [12, с. 75]. Бекенштейн был того же мнения, но считал, что должны быть также составлены правила, или «законы» для слушателей. Байер вызвался провести в гимназии экзамен на предмет допущения к лекциям. Довольно бурные дебаты по поводу матрикула возникли в заседаниях 18 февраля и 18 марта. Против матрикула и вообще против обязательного чтения лекций выступали И. Г. Дювернуа и Ж. Н. Делиль. Остальные, с некоторыми оговорками, считали нужным выполнять инструкцию и требования петровского «Проекта» (в протоколе он назван «*Institutum*», т. е. устав, каковым он по существу не был) [12, с. 92—93, 102]. 22 марта большинством голосов было решено ввести матрикул, но записывать в него только после экзамена, который слушатель должен был сдать профессору, чьи лекции он намеревался посещать [12, с. 103—104]. Если такие списки в эти годы действительно составлялись, то обнаружить их в архиве, к сожалению, пока не удалось.

С начала 1735 г. в учебных делах появилось новшество: по инициативе недавно назначенного президента И. А. Корфа академические лекции начала посещать группа юношей (30 человек) из Кадетского корпуса. Для них читали часовые лекции два раза в неделю: Байер — латинскую риторику, Вейтбрехт — логику по Вольфу и четырежды в неделю Крафт — математику [12, с. 132, 137].

Дальнейшие записи в протоколах, связанные с лекциями, относятся уже к 1738—1739 гг. Основными слушателями были русские студенты-стипендиаты, о которых речь пойдет ниже.

В начале статьи уже отмечалось, что в петровском «Проекте» нет четкого разграничения студентов и низших категорий сотрудников. Эта неопределенность стала сказываться, как только начал формироваться реальный штат Академии. Среди появившихся вместе с профессорами молодых людей были и слушатели лекций, и уже прошедшие курс университетов, и имеющие степень магистра, но соответственных наименований в документах еще не появилось. В 1726 г. в переговорах о приглашении Эйлера ему предлагалось место «элева» (*élève*), т. е. воспитанника, ученика — такая категория была в Парижской академии наук. Это обозначение употреблено и в отчете за январь 1729 г., составленном для уехавшего в Москву Блюментроста, где «элевами» названы Миллер, Крафт, Вейтбрехт, Эйлер, Гмелин [13, л. 16]. В денежных документах первых лет Академии иногда указаны фамилии без обозначения категории. Например, 31 августа 1725 г. Майер и Гросс числятся магистрами, а в конце года оба стали экстраординарными профессорами. 30 мая 1726 г. Миллер, Крафт, Вейтбрехт, Крамер, Гмелин и другие младшие сотрудники названы как студенты, и то же самое — 27 августа 1727 г. Но в этом же документе Эйлер и Делиль де ля Кройер (младший брат Ж. Н. Делиля), получавшие, как и экстраординарные профессора, по 300 руб. в год (упомянутые выше студенты получали по 200 руб.), названы адъюнктами. По-видимому, в документах это первое употребление нового термина — он тоже был заимствован из практики Парижской академии наук, где адъюнкты появились в 1716 г. В эти годы нам неизвестна какая-либо формальная процедура избрания или производства в адъюнкты академической Конференцией. Скорее всего, это была акция чисто канцелярская, связанная с повышением жалованья и выполнением дополнительных поручений. Отсюда в списках членов Академии, вышедших в наше время, сохраняются следы неясности в этом вопросе: почему для Вейтбрехта и Миллера датой, когда они стали адъюнктами, а следовательно, и членами Академии, указан год их приезда в Петербург, т. е. 1725 г., а для Крафта — 1727 г.? [14, с. 5, 7]. Они прибыли в одно и то же время и были примерно на одинаковом положении.

С начала 1731 г., когда первые адъюнкты стали профессорами, эта категория, однако, не исчезла. В 30-е гг. приглашение в адъюнкты молодых людей из-за границы почти прекратилось, это звание стали присваивать лицам, жившим в России и работавшим в Академии на разных службах: переводчику и преподавателю в гимназии В. Адодурову, бывшему учителю в школе Феофана Прокоповича Г. В. Стеллеру, астроному при Сенате Х. Н. Винсгейму и др. Уроженец Пярну Г. В. Рихман до своей адъюнктуры пять лет был в Академии студентом, а до этого — домашним учителем у А. И. Остермана. Не вдаваясь в детали положения и работы адъюнктов, скажем только, что из 20 молодых людей, получивших звание адъюнкта в период 1730—1745 гг., восемь стали профессорами (это не так уж мало), двое рано умерли, остальные уехали или служили многие годы в этом звании. Появившаяся в 30-е гг. тенденция набирать адъюнктов из персонала Академии получила развитие в последующие годы и повлияла на изменение ее национального состава. Важным началом было использование адъюнктов в дальних экспедициях. Путь Г. В. Стеллера и И. Э. Фишера позднее прошли многие адъюнкты, в особенности в 60—70-е гг.

После того как большинство оплачиваемых студентов, или «элевов», 20-х гг. стали адъюнктами, категория студентов, получавших небольшое жалованье (обычно 100 руб. в год) и выполнявших для Академии определенную работу, не исчезла. Когда в 1732 г. из 12 учеников, присланных из московской Славяно-греко-

латинской академии, пятерых — Степана Крашенинникова, Федора Попова, Василия Третьякова, Луку Иванова и Алексея Горланова отправили в Камчатскую экспедицию, то они в штате экспедиции назывались студентами. Шестым студентом числился переводчик Илья Яхонтов, жалование которого было немного больше — 120 руб.

В середине 30-х гг. в Академии было еще несколько высокооплачиваемых студентов. Заметим, что в эти годы со студентами заключались контракты, что подчеркивало их статус как сотрудников. Так, например, до назначения адъюнктами студентами числились: с 1734 г. петербуржец И. К. Тауберт и с 1735 г. уроженец Ревеля И. Ф. Бреме, получавшие по 150 руб. в год. В контракте с Бреме, заключенном в январе 1735 г., указывалось, что он обязан работать «в газетной экспедиции и по другим поручениям», а также усердно учиться, посещать лекции профессоров и особенно стараться совершенствоваться в русском языке. В октябре 1735 г. Г. В. Рихман был принят студентом, также с жалованием в 150 руб. В его контракте ничего не было сказано об обязанностях, но в «Реестре», составленном в конце 1737 г., написано, что он «учится математическим наукам, а особливо механике и физике, и ходит того ради на лекции у профессора физики, помогает ему при делании экспериментов, также и сам разные до оных наук надлежащие опыты делает. Кроме оных диссертаций, которые он Академии подавать имеет, будет он еще и примечания на Ведомости писать» [9, с. 574]. Как видим, в этом случае упор делался на ассистентскую помощь профессору, а именно Г. В. Крафту, и на самостоятельную научную работу. В мае 1735 г. М. Клейнфельд, слушавший лекции по анатомии и физиологии у Дювернуа и Вейтбрехта, был принят прозектором, с жалованием 100 руб. в год. В «Реестре» он назван студентом, и сказано, что он учится анатомии, помогает профессору и адъюнкту и «в такое совершенство себя приво-

Студент. С иностранной гравюры XVIII в.

дыт, чтобы со временем на место одного из оных употреблен быть мог» [9, с. 574]. Клейнфельд действительно стал адъюнктом по анатомии, но гораздо позже, в 1748 г., и в этой должности пробыл до конца своей жизни — до 1761 г.

Итак, в 1735 г. Академия имела десять студентов-сотрудников: шестерых — в Камчатской экспедиции и четверых — при разных службах: переводах, библиотеке, изданий газеты и Примечаний, Физическом кабинете, Анатомическом театре. И, наконец, в 1736 г. появился новый тип академического студента — это молодые люди, обучавшиеся за границей за счет Академии. Известно, что в начале 1736 г., в ответ на ходатайство Академии в Сенат о направлении для обучения русских юношей, из московской Славяно-греко-латинской академии прибыли 12 учеников. Двое из них — М. Ломоносов и Д. Виноградов, третий — академический гимназист Г. У. Райзер, по предложению президента Академии Корфа, скрепленному резолюцией Кабинета от 13 марта, через полгода были направлены в Германию «для обучения металлургии, химии и протчих, до того касающихся наук, которым им здесь научиться случая нет» [9, с. 144—145]. Другой ученик Я. Виноградов был отправлен в Оренбургскую экспедицию учителем. Остальные девять юношей остались учиться в Академии. В документах ближайших лет они именуются, да и сами себя именуют то «учениками», то «студентами». По сравнению со студентами, о которых речь шла выше, положение их было далеко не равноправным. По существу, они были определены сначала в гимназию и находились на скудном содержании казеннокоштных гимназистов. Только 14 апреля 1738 г. их знания были освидетельствованы и назначена им определенная специализация: В. Лебедеву, И. Голубцову, П. Шишкарёву, А. Барсову, — усовершенствоваться в языках, чтобы стать переводчиками или учителями в гимназии. Я. Несмеянову, А. Чадову, С. Старкову, Н. Попову, М. Коврину — заниматься практической математикой, географией и астрономией, чтобы могли работать при обсерватории. С этого времени молодые люди в документах называются студентами. Эти девять студентов и стали основными слушателями публичных лекций, указанных в изданном 31 мая 1738 г. объявлении, согласно которому с 1 июня лекции читали: Винсгейм — по математической и физической географии; Амман — по ботанике и натуральной истории; Адодуров — по русскому языку; Крафт — по физике и метафизике, с демонстрацией опытов; Штелин — по этике; Эйлер — по логике и высшей математике; Дювернуа — по медицинской практике; Вильде — по анатомии; Гейнзиус — по астрономии; Вейтбрехт — по физиологии; Леруа — по истории; Делиль — по практической астрономии. Объявление было разослано в учреждения и учебные заведения. Согласно записи в протоколах Конференции, на первых лекциях 1 июня присутствовали профессор и «разные гости» [12, с. 484]. К сожалению, неизвестен состав слушателей, но ими, во всяком случае, были наши девять студентов. О том, что, невзирая на специализацию, им вменялось прослушать все лекции, говорит их прошение 1739 г., чтобы из 9 курсов, которые они обязаны посещать, им разрешили не ходить на лекции Винсгейма, Штрубе и Леруа, «к которым мы ни единой охоты, ни склонности не имеем», а эти лекции отбивают охоту и к другим. В резолюции записано требование прослушать все курсы [15, с. 207]. В мае 1740 г. в отчете сказано, что Эйлер «в публичных лекциях излагал слушателям основы математического анализа, а теперь обучает их решению геометрических задач алгебраическим путем» [6, л. 37]. Сведения протоколов Конференции позволяют предположить, что лекции читались более или менее регулярно до осени 1742 г.

13 мая 1740 г. московские студенты были еще раз освидетельствованы, в результате чего распределение получилось несколько иное, чем два года тому назад. Было установлено: Лебедев, Голубцов и Попов как в языках, так и в науках «до-

вольно обучены» и могут быть переводчиками; Барсов обучен похуже, он может выполнять и править корректуры в типографии; Шишкарев, Чадов, Старков и Коврин могут совершенствоваться в математике и астрономии, чтобы стать со временем геодезистами [15, с. 396—397].

При недостатке наших сведений о других слушателях публичных лекций представляет интерес ответ Академии на запрос Сената от 21 июля 1740 г., кто из молодых людей учился в Академии юриспруденции [15, с. 434]. Справку составил 26 июля инспектор гимназии Крафт [15, с. 435]. Он указал, что точного ответа дать не может, так как не имеет списков, но собрал сведения только о тех, кто прежде учился в гимназии, и называет 22 имени. Среди них девять московских студентов, четверо уже знакомых нам по списку 1733 г. — Кондойди, Энс, Адодуров, Эйхлер и упоминавшийся Тауберт. Далее новые имена: сын секретаря Коммерц-коллегии — И. Остервальд, сын штаб-лекаря — Г. Фрейганг, сын берг-советника — Г. Райзер, сын нотариуса — И. Корнелиус, сын академического живописца — И. Гзелль, сын инспектора в пакгаузе — Г. Милль и еще — И. Берген и И. Бишоф — об их отцах сведений нет. Все они — гимназисты середины 30-х гг., следовательно, слушателями лекций они были в конце 30-х, причем речь шла только о юриспруденции. Отсюда видно, что в эти годы круг слушателей не был ничтожно мал. И здесь подавляющее большинство составляют студенты на жалованьи или готовящиеся к академической службе. Остервальд, например, до 1741 г. работал в библиотеке, потом его место занял Фрейганг, а Милль с этого года трудился в обсерватории.

28 августа 1742 г. на чрезвычайном заседании Конференции обсуждались занятия студентов [12, с. 715]. Было составлено расписание лекций профессоров и адъюнктов (в числе последних — недавно вернувшийся из Германии Ломоносов), с указанием, кто из студентов какие лекции должен посещать. Здесь впервые встречаются имена двух учеников — А. Протасова и С. Котельникова. Формально они были еще гимназистами, а получать скудное трехрублевое месячное жалованье стали только в августе 1743 г.

Попытаемся подвести некоторые итоги. В первые два десятилетия в Академии наук чтение публичных лекций не было регулярным: наиболее активно они читались в 1726—1733 гг. и в конце 30-х — начале 40-х гг., когда было, хотя и очень малое, но постоянное число слушателей, в основном из студентов-сотрудников. Сколько было вольнослушателей, определить невозможно из-за отсутствия учета. Но если учесть и «организованных» вольнослушателей, каковыми были кадеты, приходившие на лекции, или 28 геодезистов, направленные на «доучивание» к Ж. Н. Делилю (они обучались астрономическим наблюдениям и работе над картами [8, с. 120, 773; 17, с. 97—98, 101]), то число таких различных учащихся «постгимназического» уровня было, по крайней мере, не меньше 100 за первые 15 лет существования Академии. Об эффективности этой весьма разнородной учебной деятельности говорить трудно, хотя из первой когорты вольнослушателей вышли такие выдающиеся люди, как Антиох Кантемир и Панайота Кондойди.

Меньше было студентов-стипендиатов или студентов-сотрудников. Если сюда отнести и молодых людей, приглашенных в первый состав Академии и ставших вскоре адъюнктами и профессорами, то всего студентов, включая «камчатцев» и состоявших при различных академических службах, было свыше сорока. О продуктивности обучения этой категории красноречиво говорит тот факт, что тринадцать из них стали академиками: Г. Ф. Миллер, И. Вейтбрехт, Л. Эйлер, Г. В. Крафт, И. Г. Гмелин, Х. Н. Винсгейм, И. Х. Вильде, Г. В. Рихман, М. В. Ломоносов, С. П. Крашенинников, Н. И. Попов, А. П. Протасов, С. К. Котельников. Таким образом, можно утверждать, что задуманный Петром I Академический университет, хотя и небольшой по

числу слушателей и не имевший ряда атрибутов, характерных для зарубежных университетов, все же существовал первые 7—8 лет после основания Академии. В последующие годы регулярность публичных лекций падала, число слушателей еще более сократилось и к началу 40-х гг. свелось к единицам. В связи с этим не лишено оснований утверждение Ломоносова, относящееся к 1743 г., что в Академии университета нет, хотя Теплов и Адодуров в это же время на вопрос следственной комиссии по делу Шумахера, есть ли университет, ответили утвердительно. Это разногласие, по-видимому, подтверждает неоправданность попыток в наше время дать однозначный ответ на вопрос, существовал ли в начальный период в Академии университет или нет. Такой университет, каким он должен был быть по понятиям Ломоносова, действительно не состоялся. Но представляется важным, что, несмотря на постепенный упадок университета, в Академии появились небольшие, но крепкие ростки другой формы подготовки молодых людей к научной деятельности — зачисление в штат студентов-сотрудников, которые одновременно учились и выполняли обязанности младшего персонала в различных академических службах — библиотеке, Физическом и Анатомическом кабинетах, обсерватории, редакции газеты и журнала, при переводах литературы, в Географическом департаменте и, наконец, в дальних и многотрудных экспедициях, где студенты проходили свои «университеты». Важно подчеркнуть: в то время как преподавательский потенциал Академии явно превышал реальный спрос на обучение в ее стенах, она щедро предоставляла свои научные силы для «доучивания» молодежи из других учебных заведений — кадетов, геодезистов, врачей. Если неудача с университетом в этот период ограничила влияние Академии наук на общеобразовательный уровень в стране, что пришлось восполнять воссозданному усилиями Ломоносова в 1748 г. Академическому университету и открытому в 1755 г. Московскому университету, то для самой Академии система подготовки научной смены «студент—адъюнкт—профессор» уже в начальный период успешно конкурировала с приглашением «готовых» профессоров из-за границы. Именно она, эта система, повлияла на изменение национального состава научного учреждения и появление к концу XVIII в. целой когорты русских членов Академии наук.

Список литературы

1. История Академии наук СССР. Т. 1. М.-Л., 1958.
2. Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.-Л., 1962.
3. Кулябко Е. С.. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.
4. Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 51. Приложение.
5. Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, утвержденный Петром I // История Академии наук СССР. Т. 1. М.-Л., 1958.
6. Материалы для истории Имп. Академии наук (далее — Материалы). Т. 1. СПб., 1885.
7. С.-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФА РАН). Ф. 1. Оп. 3. № 11.
8. Материалы. Т. 2. СПб., 1886.
9. Материалы. Т. 3. СПб., 1886.
10. СПбФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 791.
11. СПбФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 860.
12. Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1897.
13. СПбФА РАН. Ф. 21. Оп. 1. № 4.
14. Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1. 1724—1917. М., 1974.
15. Материалы. Т. 4. СПб., 1887.
16. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 70. № 15.
17. Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984.